

Лидия
Ярцева

30
МЕТРОВ
В ГЛУБИНУ

Про/За. Бунт за право быть собой

Лидия Ярцева

30 метров в глубину

«РИПОЛ Классик»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ярцева Л.

30 метров в глубину / Л. Ярцева — «РИПОЛ Классик»,
2026 — (Про/За. Бунт за право быть собой)

ISBN 978-5-386-15593-3

У каждой взрослой женщины есть тайна, о которой она молчит. Но что, если о ней узнают все? В Балтийском море при загадочных обстоятельствах тонет молодой дайвер, поднимая на поверхность многолетние секреты трех его близких женщин: матери, жены и любовницы. Теперь им предстоит не только переосмыслить свое прошлое и научиться жить заново, но и выяснить: кто же виноват в том, что парень погиб?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-15593-3

© Ярцева Л., 2026
© РИПОЛ Классик, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лидия Ярцева

30 метров в глубину

*На глубине 30 метров под водой
человеку становится тяжело дышать.*

Посвящается женищинам в моём роду

Серия «Про/За. Бунт за право быть собой»

Молодость

© Ярцева Л. А., 2026

© Издание и оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

Молодость ©

Глава 1 Эхо глубины

11 сентября 2019 года

1

Величественные волны Балтийского моря лениво набрасывались на берег и медленно его покидали. Солнце неспешно выглядывало из-за горизонта и заливало светом мягкий песок, который в тандеме с солёной водой выглядел как масса для пряников или марципана. Это случилось в Калининградской области.

На песке показалась тень шустрой бабочки. Она суетливо порхала и металась с места на место, будто хотела спрятаться от собственного силуэта. Заметив широкие плечи мужчины, стоящего на пляже, руки в боки, и глядящего за горизонт, она активнее замахала яркими узорчатыми крылышками и уютно расположилась на его левом плече.

В этот момент мрачные облака закрыли светило, лишив берег радости. Из воды вышли трое аквалангистов. Словно морские боги, они двигались к берегу, тяжело таща за собой четвёртого, обездвиженного. Еле добравшись до суши, они бросили раздутое тело в костюме на песок. Двое медиков подбежали к лежащему и сняли с его лица маску для дайвинга. Под ней скрывался молодой мужчина лет тридцати. Медики ощупали шею и запястья, но вскоре поняли – спасти уже некого.

– Янтарный? – спросил басом мужчина, на котором сидела бабочка. От его громкого голоса она тут же взлетела.

– Вряд ли. Вон база. Частник, – ответили мужчине аквалангисты, показывая на небольшой сарай, на двери которого красовался рисунок акулы с открытой пастью.

Бабочка развернулась и полетела в сторону сарая. Она приблизилась к запылившемуся стеклу небольшого окошка и заглянула внутрь. Сарай служил дайвинг-базой, а потому был завален разного рода снаряжением для погружений под воду. Аквалангами, трубками, баллонами. В груде мужских вещей беспокойно ёрзал и мигал чей-то смартфон. Его владельцу усердно звонили. Но этому разговору не суждено состояться.

2

Какой же он всё-таки эгоист, крутилось в голове Киры, пока она на автопилоте рисовала ложкой круги на дне кастрюли, помешивая овсянку. Где она была бы сейчас, если бы не стала его женой? Строила блестящую карьеру адвоката, открыла своё агентство, спасала бы мир от несправедливости? Точно не известно, но, скорее всего, она чувствовала бы себя более важной и нужной. Вместо этого она устало варила овсянку, почти засыпая, потому что всю ночь не сомкнула глаз и проворочалась одна на двуспальной кровати.

В этот раз таблетка магния не смогла помочь её потрепанной от постоянных стрессов нервной системе – видимо, пора переходить на более сильные средства. Валерьянка или корвалол – что выбираем теперь? Ей всего двадцать девять, но с тех пор, как она связала свою жизнь с Артёмом, год будто шёл за два. За выслугу лет в браке не полагался отпуск в санатории, а зря.

Хлопья в кастрюле наконец-то превратились в тягучую цельную массу, и Кира выключила плиту. Телефон лежал рядом и давно ни о чём ей не сообщал. После того, что она сделала с ним за последние десять часов, ему тоже нужен был отдых.

А может, она себя слишком сильно накручивала? Есть же женщины, которых не волнует настроение мужа. Им интересны только цвет и длина маникюра, размер скидок на новую коллекцию шуб и посиделки с подружками в пятницу в караоке. Почему она была другой? Почему она всю ночь не спала и переживала? Переживала и ненавидела. Ненавидела, потому что опять оказалась в этой ловушке – в роли жены, которая сходит с ума от тревоги за мужа, уехавшего

в ночи неизвестно куда и с тех пор ни разу не нашедшего даже минутки на звонок. Ну, вот она уже и рассуждала, как её мать. От такого сравнения Кире захотелось повеситься.

– Мамочка, мне снились кошмары! – забежала в кухню шестилетняя девочка с ангельскими золотыми кудрями. Её белая хлопковая сорочка с рюшами доходила почти до пола. В руках, как всегда, крепко стиснут плюшевый мишка Брауни – так его называл Артём, когда покупал. Если оставался хоть какой-то шанс на то, что свет в жизни Киры ещё не погас, то он определённо исходил от Алисы. Кира крепко прижала дочку к себе:

– Да что ты говоришь, моё золотко. Ты им скажи: куда ночь, туда и сон. Скажешь?

Алиса покивала и бросила тревожный взгляд:

– А папа уже на работу уехал?

– Да, – выпалила Кира не задумываясь. Она всегда была готова выставить его в лучшем свете перед дочерью. – У него сегодня много дел, зайка, – уверенно соврала она.

– Жалко. Я соскучилась.

Какое светлое чувство – *скучать* по кому-то. Не представлять себе жизни без кого-то близкого, волноваться перед встречей и ждать с нетерпением. Ей это чувство было знакомо лет десять назад, но сейчас она стала как камень – твёрдая и холодная. Скучала ли Кира по мужу? Вряд ли. Скорее она тосковала по идеальной версии этого человека и идеальным их отношениям, которые всю жизнь почему-то откладывались на потом.

Алиса отставила пустую пиалу и посмотрела на Киру.

– Я всё, – улыбнулась дочка, и Кира вернулась из размышлений – она так и не притронулась к завтраку. Не было аппетита.

– Хорошо, одевайся. Пора выходить.

Кира и Алиса отправились по знакомому маршруту до детского сада, что находился в трёх улицах от дома. Алиса по привычке сосчитала вслух все окна самого необычного здания на пути и продолжила болтать о том, что видит. Кира передвигала ногами на автомате, прокручивая в уме вчерашние сцены прощания с мужем. Она будто пыталась отмотать время назад и по-другому пережить этот вечер, не отпускать никуда Артёма. Незаметно они подошли к невысокому зданию из красного кирпича, щедро украшенному разноцветными флажками. Оно напоминало сказочный замок. Наконец в кармане Киры зазвонил телефон, который она крепко сжимала всю дорогу. Кира не глядя смахнула «ответить», отпуская в этот момент тёплую ручку Алисы. Та побежала к подружкам и воспитательнице Марине Викторовне. В голове промелькнула надежда на то, что звонил её муж, но прозвучал хриплый и растерянный голос Вани:

– Кир, Артём утонул.

– Что?

Ваня откашлялся и постарался сказать более внятно:

– Его тело достали из моря. Мне очень жаль. Тебе нужно приехать на берег. Сможешь? Я вызову тебе такси.

Кира продолжала смотреть вслед Алисе. Дочка махала и улыбалась своей искренней чистой улыбкой, бесконечно надеясь на скорую встречу с папой. Марина Викторовна уловила во взгляде Киры дух надвигающейся катастрофы и поспешила увести детей внутрь сада. Кира осталась стоять на улице, пока не почувствовала, что вот-вот упадёт. Надо сесть. Она добрела до первой попавшейся лавки и свалилась на неё как мешок. Киру парализовало. Артём утонул. Утонул. Утонул... – раздавался эхом в её голове голос Вани. Она ожидала услышать что угодно, но только не это. Он был мастером дайвинга, погружался на невероятную глубину, ничего не боялся. Учил доверять воде, любил рисковать. Он не мог утонуть. Не мог. Кире полагалось сейчас плакать, но слёзы застряли на полпути. Телефон опять зазвонил, и она сдуру смахнула его с лавки так сильно, что тот ударился о цветочную клумбу. Скорее всего, разбился. Всё это

больше не имело никакого значения. Небо упало. Но Кира всегда умела брать себя в руки и держать лицо. Ничего не изменилось и сейчас. Надо ехать на берег.

3

– Итак. Вы приехали с утра на берег, чтобы заняться дайвингом? – буднично задал вопрос дежурный офицер полиции до жути напуганному полноватому мужчине. Его лицо позеленело.

– Что? – переспросил он. Полицейский вздохнул. Ему явно хотелось закончить дежурство как-то иначе, спокойнее, но с утра раздался тревожный звонок. Пришлось начинать новый день в затхлом сарайчике, заваленном барахлом для дайвинга, и надеяться, что хотя бы один, особенно настойчивый луч раннего солнца сумеет пробиться сквозь поломанную деревянную доску в стене.

– Вы приехали, чтобы подайвить? – построил иначе свой вопрос полицейский.

– Да. У меня должно было быть занятие с Артёмом Алексеевичем, – запинаясь пролепетал он. – Но он не приехал... и я позвонил Ивану.

Мужчина указал толстой маленькой ладошкой на подтянутого парня в углу. Лицо Вани выглядело растерянным, но он через силу заговорил:

– Да. Георгий позвонил мне с утра. Сказал, что дверь сарая открыта. Внутри вещи. Звонит телефон. И что Тёмы нет. Я приехал. Понял, что одного комплекта акваланга не хватает. Мы позвонили спасателям. Дальше вы знаете.

– Какое отношение вы имеете к базе дайвинга? – спросил он Ваню.

Тот вздохнул.

– Мы с Тёмой друзья. Ещё в студенчестве он проводил экскурсии под водой. Заняли этот сарай. Я ему помогал. Вёл группу в интернете, убирал тут. Взамен он меня учил с аквалангом погружаться.

– Когда вы в последний раз виделись с погибшим?

– Дня три назад. У меня машина сломалась. Только сегодня из сервиса забрал.

– Кто-то может это подтвердить?

– Наверное, его жена.

Полноватому мужчине стало совсем плохо, и он побежал к выходу.

– Извините, мутит, – сказал он, прикрывая рот рукой.

– Продолжим. Присаживайтесь, – сказал Ване дежурный, и тот сел напротив для дачи показаний.

К полудню погода на море окончательно испортилась. Агрессивный морской ветер в такт волнам нападал на оцепленный берег, где начинали свой рабочий день всевозможные службы. Сотрудники МЧС уже собирали вещи и грузили в машины, оперативники переговаривались и перезванивались. Недалеко от сарая на берегу лежало сдавленное аквалангом тело Артёма, и ни у кого из присутствующих этот факт не вызывал каких-либо чувств. Двое худощавых мужчин, один молодой, второй поживший – криминалист и судмедэксперт, – нехотя шли к Артёму для проведения следственных действий. Склонившись над ним, они безжалостно разрезали его гидрокостюм и приступили к своей работе, иногда зевая и почёсывая нос. Осматривали и фотографировали тело, искали повреждения и улики, внося в протокол каждую свою находку.

– Павел Евгеньевич, мы всё, – обратился к дежурному офицеру полиции судмедэксперт, когда тот вышел из сарая после допроса, и передал ему протоколы. Павел Евгеньевич пробежался глазами по документу и обратился к работникам морга:

– Парни, уносите.

Двое с носилками направились к Артёму и стали упаковывать его в плотный чёрный мешок. Этот момент навсегда останется в памяти Киры. Выйдя из такси, она первым делом увидела, как лицо Артёма, щедро источавшее когда-то настоящую жизнь со всеми её честными

красками от боли до радости, навсегда погружалось в темноту, скрываясь за молнией полиэтиленового пакета. Внутри у Киры всё сжалось, подступила тошнота, закололо в желудке, стало сложно дышать. Тело тряслось от холода и будто отделилось от Киры, оставив её наедине с самой собой – маленькой и уязвимой. Такую себя она не любила и старалась с ней не встречаться, а потому чувствовала сейчас почти смертельную опасность.

– Кира!

Кира подняла глаза и увидела Ваню. Он робко стоял за баррикадной жёлто-чёрной лентой и с отчаянием смотрел на неё. Его красные глаза передавали ощущение конца света, и Кира окончательно осознала, что жизнь её изменилась. Она миновала ленту и стремительно подбежала к Ване. Он подхватил её хрупкое тело и прижал к себе как можно сильнее. Они застыли в бессловесных объятиях и оба поймали ощущение пустоты, где не было боли и времени. Но Павел Евгеньевич вернул её к реальности.

– Кира Валерьевна, примите мои соболезнования, – сухо сказал он и виновато добавил: – Пройдёте для дачи показаний? Процедура обязывает.

Кира нехотя отделилась от Вани и, бросив короткий взгляд на машину, в которую положили Артёма, машинально поплелась за дежурным в сарай.

– Воды? – спросил дежурный, усаживаясь на табуретку.

– Нет, спасибо.

Кира ссутулилась на маленькой табуретке. Над ней нависало громоздкое снаряжение дайверов. Она постаралась сосредоточить взгляд на бумагах полицейского, но из-за тесноты помещения разглядела, что он написал сверху *жена погибшего*. От этой формулировки кольнуло в сердце.

– Подскажите, когда вы в последний раз виделись с мужем? – спокойно начал Павел Евгеньевич.

– Вчера вечером. Он решил проехаться. Проветриться.

– Во сколько это было?

– Часов в десять-одиннадцать.

– А куда он поедет, не говорил?

– Сказал, по городу прокатится.

– То есть то, что он поехал сюда, вы не знали?

Кира отрицательно закивала, чувствуя себя неподобающе. Да, жена погибшего не знала, где его носило.

– Скажите, как это произошло? Какая-то нештатная ситуация? В чём дело? – нетерпеливо спросила Кира.

– Мы точно не знаем. Предварительный осмотр показал, что смерть наступила из-за нехватки кислорода. Его нашли на довольно большой глубине. Тридцать метров, если я не ошибаюсь. Скорее всего, ему не хватило воздуха.

– Этого не может быть. Он погружался и ниже. Всегда рассчитывал и следил, за... как его... уровнем бар. Кислородом, в общем.

– Скажите, в каком настроении ваш муж уезжал вчера?

Кира нервно сжала кулаки и нахмурила брови от непонимания.

– Вроде в обычном. При чём тут это?

– Уверены? Почему он так поздно решил *проехаться*?

Кира задумалась, вспоминая события вчерашнего вечера. Перед глазами стояли растерянные глаза Артёма. Он в спешке искал свою толстовку и надевал обувь. Кира умоляла его никуда не ехать. Остаться с дочерью. В ответ на это он лишь прикрикнул и сказал, что скоро вернётся.

– Можно всё-таки воды?

Полицейский протянул ей бутылку и затем внимательно наблюдал за каждым её движением.

– Так что насчёт его состояния? – спросил он с подозрением.

– Ничего необычного я не заметила, – соврала Кира.

– Скажите, когда вы в последний раз ссорились? – сузил глаза полицейский.

– Не припомню, – спокойно ответила она, но внутри затаилось сомнение.

Дежурный всё записал.

– Что будет дальше? – робко спросила Кира.

– Если вскрытие покажет, что смерть наступила ненасильственно, у нас будет две версии. Первая – несчастный случай, вторая – самоубийство, что маловероятно. Но мы обязаны это проверить. Дождёмся результатов. Если вы что-нибудь вспомните, обязательно нам сообщите.

– Хорошо, – кивнула Кира.

– Вы свободны. Ещё раз примите мои соболезнования.

Кира не глядя подписала все необходимые бумаги и поспешила покинуть сарай. Находиться в тоскливых сырых стенах, где Артём проводил последние часы жизни, стало невыносимо. Версия о самоубийстве плотно засела в голове. Что могло его на это толкнуть? Нет, чепуха. Наверное, просто несчастный случай, но и это звучало неправдоподобно.

Кира села рядом с Ваней на берегу. Он укутал её пледом, и они молча смотрели на волны. Ваня собирал в ладонь песок и наблюдал за тем, как тот утекал сквозь пальцы. Он думал о том, что всё в этом мире имеет форму песка, уязвимо для любой стихии и склонного к постоянному изменению.

– Последний раз мы говорили с ним по телефону позавчера. Он был такой радостный. Купил Алисе мороженое, они шли из сада, – задумчиво проговорил Ваня.

Глаза Киры вдруг наполнились слезами от внезапного осознания, что теперь Артём останется для них лишь воспоминанием. Ване стало не по себе, он замолчал и приобнял Киру.

– Прости.

Кира всхлипнула.

– Вчера он нервничал. Что-то его волновало, когда он уезжал. Ты не знаешь что? – Она с мольбой посмотрела на Ваню, ожидая, что хотя бы он поможет ей разобраться в случившемся.

Ваня пожал плечами:

– Мы с ним давно не болтали, как раньше. Ну, так, знаешь, по душам.

Кира плакала и смотрела на прибой сквозь солёные слёзы. Ей стало стыдно за всё, о чём она думала ещё с утра. В чём винила Артёма, по каким дурацким поводам раздражалась.

– Его больше нет, – прошептала Кира. – Его больше нет! – Она закричала, и слёзы лавиной хлынули из глаз. Ваня стиснул её тело крепче, чтобы не дать ему разлететься от боли на кусочки.

– А что, если у него была какая-то причина? Что, если он сделал это сам? Что, если мы могли ему помочь? – дрожащим голосом спрашивала она Ваню. – Что, если мы не знали чего-то? Или не хотели знать?

– Дождёмся окончания следствия, – сказал Ваня. Он гладил её по ритмично вздымающейся спине.

Волны разбушевались, заглушив всхлипывания Киры. Доносилось эхо глубины. Слыша с детства от мамы сплетни о друзьях и соседях, она никогда не понимала, как супруги, живущие вместе много лет, могли не знать, что творилось друг у друга в душе. А теперь она сама оказалась на их месте. Неужели она что-то упустила? Неужели и они были такими супругами?

4

«Люда, ты дура. Настоящая дура», – ругала себя в полудрёме Мила, сидя в машине на заброшенном участке дачного кооператива в засаде, будто ей восемнадцать. Она снова повелась на его обещания. «Просто поговорим как нормальные люди. С ним никогда не бывало нормально. Наверное, это тебе и нравилось».

Предрассветный туман потихоньку рассеивался над россыпью оставленных зданий и оголял облезлые участки фасадов. Когда-то эти дома были по-соседски дружны, но теперь превратились в бараки. Так и с её жизнью – вот она вся – видна через лобовое. Запущенная, пустая и старая. Хотя ещё пару десятков лет назад казалось, что вот-вот наступит весна. Мила поёжилась от своих мыслей и, открыв глаза, обнаружила, что до сих пор пристёгнута. Сколько времени? И где телефон? Сумочка завалилась под сиденье. Она бросила её вчера впопыхах, когда решила, что разговор с Артёмом перешёл все грани, и попыталась уехать. Зачем он погнался за ней? Чокнутый псих. Слава богу, она знала эту тропинку и скрылась за поворотом.

Мила приложила усилия и достала сумку. В суете пошарила внутри и наконец вытащила смартфон. Шесть утра. Несколько пропущенных от Димы. Перезвонить не удалось, телефон разрядился. Да и что ему говорить? «Извини, милый, сижу в машине после того, как сбежала от своего любовника, с которым покончила пять лет назад, но вновь решила увидеться, потому что он позвонил и умолял о встрече, а я, дура, согласилась?» План грандиозный. Мила развернула на себя зеркало заднего вида и сначала увидела круги под глазами, затем морщины, уже глубокие – ей вот-вот пятьдесят, и скрыть это уже невозможно, а за последнюю ночь она постарела ещё на несколько лет. В её возрасте бессонные ночи обходились слишком дорого. Скоро придётся платить за это дьяволу или хирургу, что для Милы казалось одним и тем же.

Мила достала из сумки косметичку, чтобы немного замаскировать последствия вчерашних ошибок. Косметичка была набита разными пузырьками, преимущественно дорогими и качественными. С каждым годом их становилось больше. Её всегда волновал внешний вид, но теперь это превратилось в зависимость. Что это? Низкая самооценка с вечным желанием искать одобрения в глазах окружающих? Страх смерти, неминуемо приближавшейся с появлением каждой новой неровности кожи? Попытка вернуться в прошлое, о котором обманчиво помнишь как о самом лучшем периоде жизни? Наверное, всё и сразу.

Двое подростков в рваной и грязной одежде слезали по забору соседнего дома. «Вас только не хватало». Мила инстинктивно нырнула под лобовое и скрылась от возможных, пусть даже самых незначительных свидетелей. Раздался треск. Край плаща защемило в дверном проёме, и теперь он разошёлся по шву. Мила вздохнула. Сейчас она и сама как эти подростки. Вела себя как малолетка, совершившая мелкое хулиганство.

Ребята, как назло, подошли поглазеть и прильнули к стеклу её машины с открытыми ртами и любопытно сморщенными носами. Мила сделала вид, будто искала что-то на коврик, и, гордо поднявшись, по-учительски дерзко помахала рукой мол валите отсюда. Она открыла дверь, освободила плащ из заточения, закинула косметичку в сумку, завела машину и тронулась. Ухмылки подростков и порванный плащ остались неприятным воспоминанием этого утра. Ещё одного утра. Обострилось чувство стыда за своё недостойное существование. «Может быть, я просто не умею жить?» – рассуждала Мила. Так всегда говорил её отец с гордым то ли скандинавским, то ли французским именем Ренольд, что в переводе означало «правильный». «Людмила, ты не умеешь жить!» – говорил он и вечно ругал Милу за несоответствие нормам. «Если бы кто-то знал, папа, как правильно, какой бы был смысл жить на этой планете?»

Мила заехала в ворота добротного загородного дома в восемь утра. Припарковавшись, она закрыла глаза в попытке сосредоточиться и медленно вдохнула и выдохнула, как учили

на занятиях по йоге. Впереди ждал непростой разговор с мужем, и она повторяла про себя заготовленный оправдательный ответ на вопрос, где была всю ночь, – «засиделась у коллеги». Близких друзей у неё не осталось.

Мила посмотрела на дом, будто видела его впервые, – выглядел первоклассно. Коттедж привлекал внимание любого, кто проходил по этой улице. Стильный дизайн, словно по линейке стриженный сад. Здесь не было показного богатства хозяев, но чувствовался безупречный вкус интеллигенции. Ей стало не по себе. Мила сюда не вписывалась, но по-другому уже не могла – привычка находиться в комфорте незаметно превратилась в необходимость.

Мила зашла в дом. Муж Дима в очках для чтения неторопливо пил крепкий эспрессо и перелистывал строительную газету. Он делал это каждое утро вот уже тридцать лет, что они были вместе.

– Привет! – сказала Мила и натужно улыбнулась. – Прости, мы так заболтались, я обо всём забыла. Телефон разрядился.

Для большей убедительности Мила покрутила тёмным экраном смартфона. Как же противно было врать. Казалось, что Дима всё чувствовал, но виду не подавал.

– Так долго? – с невозмутимостью спросил он.

Мила не нашлась что ответить и глупо пожала плечами. Дима вернулся к газете, а она на цыпочках пошла из комнаты, не зная, стоило расстраиваться или радоваться, что их разговор оказался настолько скучным.

– Мы едем? – внезапно спросил Дима.

– Куда? – обернулась Мила.

Дима вскинул бровь. Как же она могла забыть... Сегодня они едут сдавать экзамен в школе приёмных родителей, которую исправно посещали два месяца, чтобы взять ребёнка из детдома.

– Конечно. Только соберусь, – заверила мужа Мила. Дима продолжил пить кофе и читать газету.

Мила привела себя в порядок, и они отправились в дом ребёнка. Им выдали бланки с тестовыми вопросами. Мила долго смотрела на них и никак не могла приступить к ответам.

– Всё хорошо? – шепнула ей воспитательница Ольга Акимовна.

– Да, нервничаю немного, всё в порядке.

Мила увидела, что Дима уже на второй странице.

– Время идёт, вы лучше уже напишите там, где уверены, – заботливо посоветовала Ольга. Мила начала записывать ответы.

Когда бланки были сданы, Ольга Акимовна их проверила и с досадой покачала головой.

– Смотрите, вот здесь, – Ольга указала Миле на вопрос, – если ребёнок не пришёл домой после 22:00, вы ответили «позвонить друзьям» и «дождаться утра» – здесь только один вариант правильный, какой?

Мила зависла. Дима смотрел на неё озадаченно.

– Только позвонить друзьям? – подумав, сказала Мила.

– Вот! Правильно! – обрадовалась Ольга Акимовна. – Я вам всё засчитаю, не переживайте. – Она широко улыбнулась Диме и Миле. – В тесте, что называется, есть право на ошибку. Не то что в жизни.

Ольга по-доброму усмехнулась, Мила и Дима переглянулись.

– Я вас поздравляю! Вы теперь официально можете стать приёмными родителями!

Мила выдохнула. Дима неловко протянул ей руку, и она её так же неловко взяла.

Уже через несколько часов Мила шла по коридору родного университета. Как всегда, она заглянула на кафедру оставить вещи и поболтать с коллегами. В небольшом кабинете обычно пахло дорогим кофе, подаренным каким-нибудь благодарным студентом, но сегодня там веяло

тяжестью. Три немолодые женщины, одетые скромно, но со вкусом, присущим истинным парижанкам или преподавательницам иностранного языка, тяжело вздыхали и смотрели кто в окно, кто на свой маникюр, кто в компьютер в попытке сосредоточиться. На фоне кипел чайник.

– Всем доброе утро! – провозгласила Мила и получила тусклые ответы.

– Привет.

– Привет.

– Доброе утро, Людмила.

– Что-то случилось? – спросила Мила с надеждой, что нет.

– Случилось, – сказала заведующая кафедрой Галина Эдуардовна. Она стояла у буфетной тумбочки в ожидании кипятка. – Студент наш бывший погиб. Артём Субботин.

Мила уронила туфли, которые хотела надеть вместо сапог.

– Как погиб? Где?

– В море утонул, – ответила Ольга Владимировна, оторвавшись от компьютера. – Нырять с аквалангом.

Чайник вскипел и громко щёлкнул. Мила вздрогнула.

– Он у тебя, кажется, учился? – спросила Галина Эдуардовна, и Мила почувствовала, как щёки наливаются краской. Дыхание участилось.

– Да, одно время учился, – стараясь сохранить равнодушие, ответила она.

– Кофе будешь? – спросила, наливая в свою фарфоровую чашку кипятка, Галина Эдуардовна.

– Угу, – промычала Мила, скрывая свой испуг.

– А я всегда говорила, это плохо кончится. Мы же не рыбы, в конце-то концов, по дну плавать. Что за мода пошла? – включилась в разговор Мария Петровна.

– У меня тоже сын как-то плавал, говорит, там всё безопасно, инструкторы смотрят, но кто его знает?

– Так он без инструктора плавал. Сам. Сертификат у него вроде какой-то был, – продолжили разговор преподавательницы. Миле стало душно, сердце застучало так, что ещё бы чуть-чуть – и выдало её. Мила закончила переодеваться и пошла к выходу.

– Людмила! – окликнула её Галя, и Мила в ужасе обернулась, подумав, что сейчас заведующая точно скажет, что знала про их с Артёмом роман. – Ты кофе-то будешь? Я налила.

Мила выдохнула.

– Нет, спасибо. Что-то не хочется.

Мила скрылась за дверью и машинально пошла по коридору к своей аудитории. Привычный путь, который она обычно легко проходила, превратился в сложнейшее восхождение на вершину. Не хватало кислорода. В глазах всё плыло. Вокруг было много студентов, знакомых и незнакомых. Они здоровались с Милой, смотрели на неё, оборачивались, но у Милы помутилось зрение, в ушах зазвенело, в висках усиливалась пульсация, тело сначала бросило в жар, а затем резко похолодело.

– Людмила Ренольдовна, вам плохо? – спросил один из студентов, и Мила вдруг поняла, что после звонка ещё какое-то время сидела за столом и смотрела в одну точку.

– Всё нормально. Давление, наверное.

Она суетливо достала из сумки учебник английского, пролистала его дрожащими руками и ткнула пальцем в бумагу:

– Страница шестьдесят семь. Упражнение девять и десять. Делайте. Я скоро вернусь.

Мила вылетела из аудитории и на полусогнутых дошла до уборной. Плеснула в лицо холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. В глазах полопались сосуды, лицо побледнело. Как же так вышло, размышляла она. И не сделал ли он это нарочно после их разговора?

Сидя вечером за кухонным столом, Мила лихорадочно теребила толстую нитку, вдетую в иголку, пытаясь безуспешно успокоить нервы шитьём. Перед ней лежал порванный плащ.

Мила сделала пару стежков и выдернула нить из плотной ткани так, что та неожиданно лопнула. Даже такое прочное волокно может вдруг оборваться. Дима вошёл на кухню и налил себе успокоительного чая для сна.

– Ты ничем не расстроена? Как дела на работе? – спросил он настороженно Милу. Она отложила шитьё.

– Представляешь, погиб наш бывший студент. Артём Субботин. Я занималась с ним репетиторством.

Дима задумался и сделал глоток.

– Я слышал об этом в новостях. Жаль. Наверное, хороший был парень.

Дима пошёл в гостиную, уселся в своё любимое кресло-качалку и включил телевизор. Мила отложила нитки и открыла фотогалерею на смартфоне. В папке *Скрытое* лежал целый альбом совместных фотографий с Артёмом, бережно переписанных восемь лет назад с цифрового фотоаппарата. Мила пролистала кадры. Вот их совместный отдых на знакомой базе дайвинга. Прогулка по центру Парижа, селфи на фоне Сены. На этих фотографиях Мила ещё счастлива.

Значительная часть её жизни, известная только двум людям, лежала под паролем в её телефоне. Мила выделила все фотографии и почти нажала «удалить», но не смогла. На одной из последних фотографий Артём обнимал её сзади и целовал в плечо, пока Мила смотрела на закат. Она сохранила каждый момент. Но что, если и он *всё* сохранил и теперь об их связи узнают? По телу пробежал ток.

5

Ничья грусть и тоска по погибшему не сравнится с ощущением вырванной души, какое испытывает мать, потерявшая ребёнка. Валя сидела на полу скрючившись и держалась за кресло слабыми руками. Она была, как самая тревожная сирена, уже несколько часов без перерыва. Крик шёл от солнечного сплетения, разламывая пополам Валентину Субботину и наполняя комнату потоком материнской боли. Взгляд её казался диким и пугающим настолько, что её муж и отец Артёма Алексей вызвал скорую.

Валя была ровесницей Милы, но выглядела старше. Среди всех возможных ролей в её жизни в первую очередь она выделяла роль матери. Самое страшное, что могло произойти, – потеря сына, и сегодня это случилось. Узнав, что к ним едет скорая, она в истерике засобиравшись к Артёму.

– Пусти меня! – кричала Валя на мужа. – Я еду к нему! Я ему помогу!

– Валя, он мёртв! – Алексей удерживал её силой, встречая огромное сопротивление. Валя никогда не была физически крепкой, но в эту минуту духовная сила материнской любви обрела материальную массу.

– Не смей так говорить! Артём, сыночек! Мой сыночек. Мой дорогой, мой хороший. Моя жизнь, мой свет.

Голос Вали охрип. Её захватили новые волны слёз и ослабили её протест. Когда она окончательно выдохлась, Лёша подхватил её и унёс на кровать. Валя лежала слабой девочкой в длинном платье с цветочками на бледно-жёлтом постельном белье в идеально убранной комнате, где каждый предмет строго знал своё место. Её взгляд упал в одну точку и уже потерял всякий свет. Тело её ещё дышало и сердце зачем-то билось, но внутри уже не было желания жить.

В комнату вбежали сотрудники скорой помощи, достали инструменты и сделали успокоительный укол. Алексей стоял у дверей и отстраненно наблюдал. На его лице не было жалости, не было сочувствия, лишь накопившаяся усталость. Сквозь слабый фильтр восприятия реальности Валя это заметила. Он был не с ней. Как будто, если бы он мог находиться сейчас в дру-

гом месте, он был бы там, но не с Вале́й. Насколько она могла в тот миг объективно судить о действительности, она ясно понимала: её идеальная жизнь, разложенная по полочкам со всеми неприятными событиями и сложными чувствами, спрятанными подальше к стеночке, навсегда рушилась, как при цунами или землетрясении. Успокоительное начало действовать, Валя закрыла глаза и забылась.

Глава 2

Давние знакомые

1

*Прощание с Артёмом Субботиным состоится 15 сентября в 12:00
по адресу: г. Калининград, Александра Невского, 90.*

Текст с таким содержанием Кира отправила около двадцати раз: родственникам, друзьям, коллегам и даже разместила пост в соцсетях, пока ждала своей очереди за вещами покойного мужа в пропахшем хлоркой морге.

– Субботина? – Манерный санитар выглянул в коридор и тоненьким противным голосом приказал Кире зайти.

Кира вошла в кабинет с высокими потолками и затуманенными окнами, через которые не было видно белого света. Санитар кружил по кабинету, как комар, размахивая халатом.

– Паспорт? – недовольно протянул он руку.

Кира отдала ему паспорт. Он внимательно проверил фотографию, посмотрев на девушку поверх очков, и пролистал до страницы семейного положения, предварительно смочив пальцы слюной. Кира сморщилась и отвернулась.

Досконально проверив штамп в паспорте, манерный подошёл к металлическому шкафу и достал оттуда несколько прозрачных полиэтиленовых пакетов с вещами Артёма: джинсами, толстовкой, кроссовками, телефоном, ключами.

– Тут распишитесь, – тыкнул он пальцем в старый журнал в клеточку.

– А причину мне скажут?

Санитар положил перед Кирой судебно-медицинское заключение и прочитал по слогам, как для умственно отсталой:

– Причина смерти: асфиксия вследствие утопления. Следов насильственной смерти не обнаружено. Подписывайте.

Кира поставила подпись. Манерный всунул ей стопку пакетов, а сверху положил заключение.

– До свидания, – сказал он.

– Уж лучше прощайте, – ответила Кира, надеясь, что ближайшее её свидание в этом кабинете состоится не скоро.

В связи с отсутствием состава преступления уголовное дело не возбудили, и происшествие официально признали несчастным случаем. Полицейские проверили и установили, что у Артёма не было признаков депрессии или суицидальных наклонностей, а в окружении не было людей, склонявших его к смерти. Связи с янтарными дайверами – нелегальными калининградскими охотниками за полудрагоценным камнем – тоже не обнаружилось. Всё указывало на внезапную, нелепую и фатальную смерть, отчего Кире, конечно, легче не стало.

– Какая-то ерунда, – с раздражением сказала она в телефонном разговоре с Валею. – Не верю, что он так просто мог утонуть.

– Кира, дорогая, ты что же, хочешь сказать, мой сын самоубийца? – спросила свекровь.

– Нет, конечно. Просто до сих пор не укладывается в голове.

– Может быть, и хорошо, что следствие так быстро закончилось. Скорее его похороним. Как положено. По-людски.

Валентина, пять дней принимавшая седативные средства сверх нормы, теперь говорила и думала медленно. Её организм был не способен о чём-либо беспокоиться, и порой она озвучивала вещи, совершенно ей несвойственные. Вряд ли она на самом деле так думала. Будь она «в своём уме», она бы разнесла полицейский участок, требуя наказать виновных и вернуть её сына к жизни.

– Да, хорошо, – вынужденно согласилась с ней Кира и положила трубку.

Решив все вопросы с похоронами, Кира осталась наедине со своими мыслями. Сидя на кухне при выключенном свете, она ощутила, как ныло в области груди. Раньше она не задумывалась, где у человека душа, а теперь просто знала, что она здесь – на стыке рёбер, от сердца до шеи. Она чувствовала, будто кто-то вытягивал из грудной клетки густую чёрную массу, и скорее положила туда ладонь, чтобы защититься, но это не помогло.

Алису пришлось отвезти к родителям, сказав, что они с папой вернутся за ней позднее. Кире предстояло объяснить ребёнку, что Артёма она больше не увидит, и потом всю жизнь тщетно оправдываться за то, что не дала с ним попрощаться ради её же блага. Кира решила позже придумать красивую легенду о том, что их папа – настоящий герой, отправившийся выполнять важную государственную миссию. Пока на это не было сил.

Чтобы чем-то себя занять, она принесла вещи Артёма и освободила их от пакетов. Они пахли морем. Кира развернула его толстовку и накинула на свои плечи сзади так, будто Тёма её обнимает. Она почувствовала его тепло и на секунду даже поверила, что он рядом. Кира вдруг вспомнила их первое свидание 31 мая 2012 года, которое совпало с днём рождения их однокурсницы. Шумная терраса на крыше, где повсюду мерцали гирлянды. Диджей устал и захотел отведать закусок с фуршета, поэтому поставил старомодный медляк, чтобы отправить народ на перекур. Играла песня *Without You* в исполнении Ширли Бэсси ¹. Танцевали только Артём и Кира, которая в тот самый момент начинала в него влюбляться.

Кира вбила в поиске на телефоне эту песню и включила на полную громкость. На лице постепенно появлялась улыбка, вызванная ностальгией. Кира танцевала, обняв толстовку Артёма, мысленно вернувшись на семь лет назад.

*Well, I can't forget this evening
And your face when you were leaving
But, I guess that's just the way the story goes
You always smile, but in your eyes the sorrow shows
Yes, it shows ².*

Когда слегка хриплый голос певицы затянул припев, улыбка Киры угасла, накатили слёзы. Теперь песня проигралась для неё по-новому. *I can't live, if living is without you, I can't live, I can't live anymore* ³, – на этих строчках Кира, не в силах больше сдерживаться, громко разрыдалась:

– Почему ты нас бросил? Почему?! Как я буду одна? – кричала она, и крик бился о стены, возвращаясь к ней снова. Когда силы закончились, Кира сползла по холодильнику на пол и посмотрела на мокрую от слёз толстовку. Все навеянные песней иллюзии растворились, и она вернулась к реальности.

Кира по привычке проверила карманы перед стиркой, они были пусты, но в этой кофте прятался ещё один, внутренний кармашек, и в нём она нащупала небольшую бумажку. На ней накорябали номер телефона и бережно вывели всего одну таинственную букву – *М*.

Эм. Что бы это значило?

Кира набрала номер телефона и позвонила. На том конце ответил печальный женский голос:

– Алло.

¹ Shirley Veronica Bassey – британская певица.

² Да, я не могу забыть этот вечер И твоё лицо, когда ты уходил, Но, наверно, так всё и происходит. Ты всегда улыбаешься, Но в твоих глазах проглядывает печаль. Да, проглядывает (англ.). Авторы песни Пит Хэм и Том Эванс.

³ Я не смогу жить без тебя. Я не смогу жить. Я больше не смогу жить (англ.).

Кира испугалась.

– Алло. Вас не слышно.

Кира отключилась. И хотя она успокаивала сама себя, что голос мог принадлежать кому угодно, внутри поселилась мысль – а вдруг это как-то связано с его смертью?

Кира достала из пакета смартфон Артёма и поставила на зарядку. Когда загорелась первая палочка, она с первой попытки ввела правильный пароль из цифр его даты рождения 170390 и получила доступ ко всему, что скрывал телефон. Она порылась в контактах: на *М* были только «Мамочка», «Миша» и «Марина Работа». В эсэмэсках – кроме промокодов и банковских операций, больше ничего. Тогда Кира нашла в Интернете программу, позволяющую восстановить удалённые звонки и сообщения, и поставила её на скачивание.

2

Мила не собиралась ехать на похороны и придерживалась этого плана до последнего. Она задумала стирку, уборку и мойку машины. Хочешь впустить в жизнь новое, освободи для него место – так она была воспитана. Когда она усердно размахивала веерными граблями по саду, выгоняя из себя воспоминания событий последней недели, звякнул телефон, лежащий неподалёку. Мила сдула упавшую прямо на глаза прядь волос и увидела, что ей пришла СМС. Она решила проигнорировать и продолжила выкорчёвывать листья из травы, но подлая прядь снова свалилась на глаза. Мила разогнулась и предплечьем убрала её. Телефон в очередной раз звякнул.

– Кому я там понадобилась? – бросила она грабли и недовольно пошла к телефону, снимая по дороге садовые перчатки.

*Прощание с Артёмом Субботиным состоится 15 сентября в 12:00
по адресу: г. Калининград, Александра Невского, 90.*

Галина Эдуардовна скинула в чат рассылку и спросила, кто едет, чтобы присоединиться. Сердце Милы стало тяжёлым. Она не простит себе, если не увидит его напоследок. Она набрала автомойку и отменила запись.

В день похорон Мила твёрдо решила затеряться в толпе. Надела свой самый неприметный чёрный платок, тёмные очки и давно не ношенное чёрное пальто. Очередь из людей размеренно двигалась к залу прощания, и Мила шла в ней, не поднимая глаз и ни с кем не разговаривая.

– Видишь самую стильную, знай, это наша Людмила, – взяла Милу под руку Галина Эдуардовна, внезапно возникшая рядом. – Ты чего не написала, что придёшь? – громко шептала она.

Галя за секунду разрушила конспирацию Милы, люди вокруг оглядывались, теперь уж точно хорошо видя её лицо. Мила покраснела и крепче сжала четыре гвоздики.

– А должна была? – растерянно спросила она Галю.

– Я же написала в группе, кто едет? – Мила молчала, а Галя продолжила: – Жалко, конечно, парня. Такой молодой. А людей сколько пришло! Как будто весь город. А матери каково? Не представляю. Да и не дай бог, конечно.

От щебетания Гали хотелось вырваться и побежать назад сквозь толпу, но, очевидно, это была плохая идея. Мила повторяла про себя «замолчи, замолчи», и на входе в зал Галина наконец притихла. Они зашли в помещение с высокими белыми потолками, по форме походившее на католическую церковь. Ансамбль из пяти человек на разрыв играл *Death of Aase* Эдварда Грига из оперы «Пер Гюнт». По коже побежали мурашки. Мила не хотела поднимать глаза, но люди перед ними потихоньку расходились, открывая обзор на белый каменный постамент, на котором и возвышался гроб.

– А почему крышка закрыта? – недоуменно спросила Мила у Галины.

– Наверное, тело изуродовано. Он же в воде долго пробыл.

Рядом с гробом стоял приличного размера портрет Артёма. На Милу смотрел счастливый, обаятельный и уверенный в себе парень, полный жизни. В смерть такого человека невозможно поверить.

Мила заставила себя сдвинуться с места и подошла к гробу. На мгновение для неё в зале воцарилась тишина, словно остались только они двое.

Прости. И прощай.

Музыка в ушах зазвучала громче. Мила выдохнула и с честью возложила цветы. Она обернулась и встретилась глазами с людьми, стоявшими рядом с гробом. У неё вдруг перехватило дыхание. Она их знала.

Убитая горем Валя, за неделю превратившаяся в старушку, и бледный, почти слившийся с белыми стенами зала Лёша. Они были её давними знакомыми. Очень давними. Мила и Валя росли на одной улице, вместе ходили в школу, дружили, но после совместного отдыха тридцать лет назад разъехались по разным местам и навсегда потеряли связь. Миле захотелось истерически засмеяться, а следом заплакать. Какое отличное чувство юмора у судьбы.

Галина Эдуардовна прошла вперёд Милы. Приобняла Валью с Лёшей, сказав им несколько слов о том, каким замечательным сыном и студентом был Артём, и отошла, смахивая слёзы платком.

Бежать некуда, и Мила двинулась с места, навстречу к Вале и Лёше.

– Примите мои соболезнования, – прошептала она.

Мила обхватила холодные ладони Вали. Их взгляды столкнулись. Ввалившиеся серо-зелёные глаза смотрели в широко распахнутые прозрачно-голубые. За этот миг обе будто заново прожили всю свою жизнь от пятилеток, весело державшихся за руки, до молодых цветущих девушек, у которых впереди целая жизнь, и, наконец, взрослых женщин, случайно встретившихся на похоронах сына для одной и любовника для другой.

– Люда? – вздёрнула удивлённые и печальные брови Валя.

– Да, – не зная, что сказать, ответила Мила.

Обе растерялись. Чтобы не выдать своего волнения, Мила отпустила дрожащие руки. Она мельком глянула на Алексея, он явно узнал её и рад был видеть. Как же она раньше не замечала, что Артём так похож на него: острые скулы и нос, пухлые губы. Мила собралась уходить, но встретила заплаканное молодое лицо Киры. Господи, это же её студентка, однокурсница Артёма, а теперь... вдова. Милу поразило очередное осознание её дурацкого положения. Кира улыбнулась Миле, узнав в ней преподавательницу из вуза. Мила коротко ей кивнула и пошла на выход.

Она суетливо доставала из кармана тёмные очки и надевала их дрожащими руками. Уходя, она молилась только об одном – что тайну, до сих пор неизвестную её давним знакомым, навсегда засыплет землёй вместе с усопшим.

3

Шёл третий день после похорон, но у Милы перед глазами всё ещё стояли лица родственников Артёма. Просыпаясь по утрам, она начинала корить себя за всё, хотя и не понимала, в чём конкретно заключалась её вина. Пока она об этом размышляла, в дом позвонили. Мила спустилась со второго этажа и, решив, что Дима вернулся за забытыми документами, смело распахнула дверь. На пороге стояла Валя. На ней был девичий наряд не по возрасту: голубое платье с объёмной юбкой ниже колен и кружевная розовая кофточка собственной вязки. В руках – плетёная сумка, похожая на корзинку. Волосы, в некоторых местах поседевшие, идеально убраны в хвост. Мила безмолвно застыла.

– Здравствуй, Люда, – слабым голосом проговорила Валя.

– Здравствуй.

– Можно войти?

Мила опомнилась:

– Да, конечно, прости. Я не ожидала тебя здесь увидеть.

– Ты извини, что я без звонка. Решила, что после стольких лет начинать разговор по телефону как-то неправильно.

– Всё верно. Проходи. Чаю?

– Если можно.

Валя печально улыбнулась и села за стол, доставая из сумки носовой платок. Мила посмотрела на её сутулые плечи, и ей стало её жаль. Она подумала, что её утренние страдания просто смешны по сравнению с тем, что сейчас на душе у Вали.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Мила, наливая чай.

– Не спрашивай. Всё равно не смогу объяснить.

– Ужасная трагедия.

Мила не знала, с чего начать, и с трудом подбирала слова. Ей хотелось скорее оправдаться перед Валею, и она тихо проговорила:

– Я у него преподавала.

– Я знаю.

Мила напряглась, но Валя добавила:

– Галина Эдуардовна рассказала мне про тебя и дала адрес.

Мила облегчённо кивнула, поставила чашки на стол и села напротив. Валя была совсем беззащитна, и Мила перестала чувствовать угрозу.

– Ты замужем за Димой? – спросила она, осмотрев интерьер.

– Да.

– Почему-то сразу так подумала, увидев твой дом. Я очень рада. У вас есть дети?

– Нет.

У Вали из глаз закапали слёзы, она уткнулась в платок. Мила положила ладонь на её плечи и погладила. Будто не было этих двадцати лет. Им снова по пятнадцать, и они вместе переживают печали. Только теперь печали другие.

– Расскажи мне про него.

– Про Диму?

– Про Артёма.

Мила закашлялась.

– Что... что рассказать?

– Каким он был? Каким ты его запомнила?

– Честно сказать, я недолго у него преподавала. Всегда был очень ярким, всегда улыбался. Много шутил.

– Да. Он был светлым мальчиком.

Валя говорила про Артёма, как про маленького. Миле стало неловко. В отличие от неё Мила хорошо знала его тёмную сторону, о которой Валя, скорее всего, даже не догадывалась.

– Завтра будет девять дней. Я устраиваю поминки для самых близких. Обязательно приходи.

Мила опешила:

– Я?..

– Ты знаешь, у меня осталось очень мало близких людей. И с тобой почему-то нас жизнь развела.

Немного помолчав, Мила сказала то, что не могла не озвучить:

– Когда погибли мои родители, ты меня не поддержала.

Валя опустила глаза.

– Прости. – Она взяла руку Милы и посмотрела честными серо-зелёными глазами. – После той нашей поездки многое изменилось.

– Да, изменилось, – согласилась Мила.

Они недолго посидели в тишине. Каждая думала о своём.

– Ты не представляешь, как это больно – хоронить своего ребёнка. – Валя сжала руки Милы настолько крепко, что ей стало больно. – Когда его бросили в землю, я стояла на краю и хотела, чтобы меня закопали вместе с ним.

Лицо Вали перекосило от напряжения, она надрывно заплакала. Мила достала из аптечки успокоительное и заставила подругу выпить до дна.

– Знаешь, – сказала Валя, чуть-чуть успокоившись, – если бы я узнала, что кто-то виноват в его смерти, я бы убила. Наверное, только после этого мне станет легче.

У Милы перехватило дыхание.

– Но ведь никто не виноват, правда?

Валя отрицательно помотала головой и с сожалением сказала:

– Никто.

4

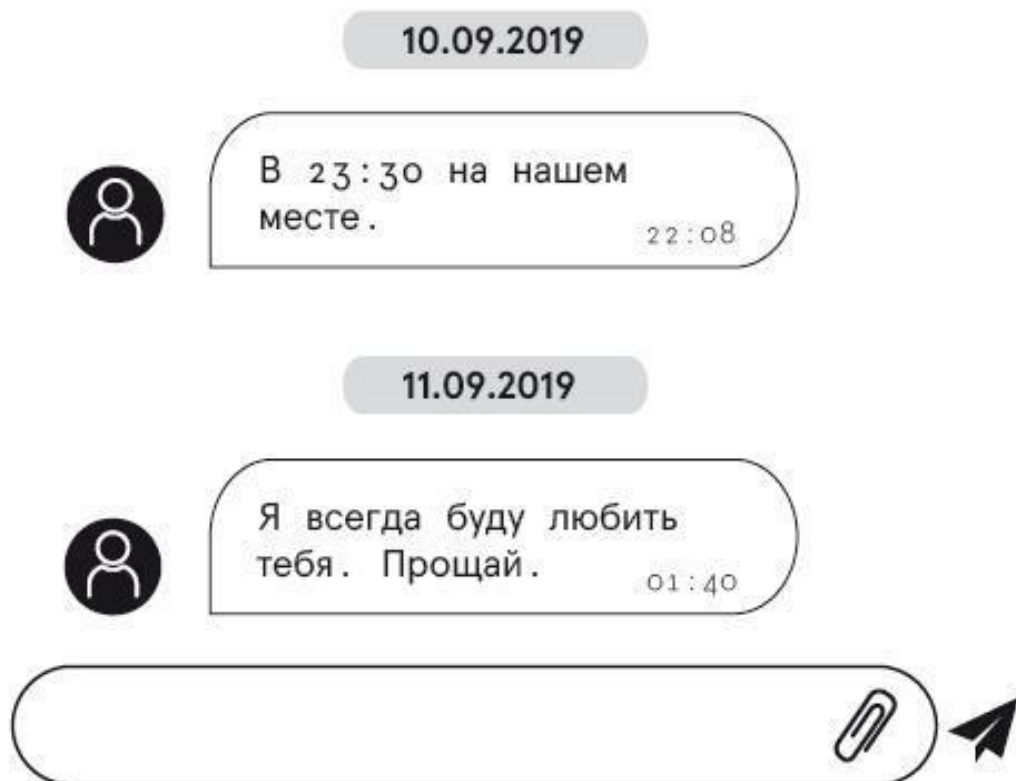
Кира скачала программу и нашла всё, что было удалено со смартфона Артёма в последние тридцать дней. Выяснилось, что по загадочному номеру с буквой *М* он звонил всего пару раз, 9 и 10 сентября накануне злополучного погружения. Он также отправил два сообщения, от которых Кире стало одновременно тошно и легко.

– Вы знали, что у вашего сына была любовница? – колко спросила Кира у Вали, не успев прийти на поминки по случаю девяти дней. Она знала её трепетное отношение к сыну, её, считавшей Артёма всегда и во всём идеальным, и испытывала удовольствие, как при долгожданном раскрытии преступления.

– О чём ты говоришь? – сказала Валя, убирая её куртку в шкаф.

– Читайте.

Кира развернула экран его телефона на свекровь. Там было написано:

Валя с презрением посмотрела на Киру.

– Он умер, а ты его в чём-то подозреваешь?

– Вы знали об этом? Нет, скажите, чего уж теперь?

– Я не знала. И знать не хочу. О покойниках либо хорошо, либо никак. Не смей очернять моего сына! – зашипела Валя. Из беззащитной девочки она превратилась в хищницу, защищающую дитя. В её глазах танцевали искры гнева.

– Он написал «я всегда буду любить тебя» и отправил не мне, и даже не вам. Он отправил это неизвестной женщине. Вы не думаете, что он мог погибнуть из-за неё? – говорила Кира зажатым от обиды голосом.

Очная ставка Киры и Вали прервалась – в дверь позвонили. Потихоньку собирались гости. Валя натянула дежурную печальную улыбку и открыла дверь, встречая родных и знакомых.

В доме собралось порядка десяти человек. Одной из последних пришла Мила. Валя настойчиво просила её быть и накануне ещё раз позвонила, чтобы убедиться. На стенах висело множество семейных фотографий и портретов Артёма в разном возрасте. От них никуда нельзя было деться каждому, кто находился в доме.

– Всего каких-то пару десятков лет, и ребёнок покидает гнездо. Мне сложно далось наше расставание, когда он стал взрослым. Мы были очень близки, – рассказывала Валя, проводя для Милы экскурсию по дому. – Он доверял мне все свои тайны. – Она остановилась у комнаты Артёма и заговорила шёпотом. – Даже те, что касались девочек.

После застолья люди разбрелись по группкам, и Мила уже думала уходить, но Лёша нашёл повод подойти к Миле.

– Налить тебе вина? – спросил он.

Мила не захотела оставаться невежливой:

– Немного. Вот так. Спасибо.

– Ты отлично выглядишь, – сказал он, робея.

- Спасибо. – Мила смутилась.
- Не ожидал увидеть тебя когда-нибудь снова.
- Поверь, я тоже. Чем занимаешься? Всё ещё служишь?
- Да. В посёлке Донское. Тут рядом.
- Это, кажется, то самое место, куда тебя распределили после училища?
- Да. Мы прожили там четырнадцать лет.

Лёша сидел на краю стула с ровной осанкой, у него был низкий бархатный голос, но говорил он мало, чаще молчал и улыбался. Мила отметила, что он красиво и правильно постарел за те тридцать лет, что она его не видела. Сейчас он выглядел даже лучше, чем тогда. И смотрел на неё как тогда: с нежностью и восхищением. Она всегда знала: Валу он не любил. Оказавшись в их доме, только убедилась – здесь любили только Артёма.

Кира, сбежав от толпы, незаметно уселась на лестнице, ведущей на второй этаж. Она теребила в руках телефон Артёма и гипнотизировала набранный номер, принадлежащий *М*. Наконец она решилась позвонить. Когда пошли гудки, внизу, в доме, зазвонил чей-то телефон. Кира удивилась такому совпадению и не поверила бы в него, если бы не увидела, как Мила копается в сумке в поисках звонящего телефона. Мила достала смартфон и едва заметно сжалась, увидев номер Артёма. Она поспешила сбросить звонок и спрятала телефон подальше в сумку. Кира с удивлением посмотрела на экран – звонок отклонён. Но это же Людмила Ренольдона, преподавательница Киры...

- Мила? – позвала Валя, и Мила обернулась.
- Давно меня так не называли, – сказала она, всё ещё нервничая из-за звонка.
- Возьми хотя бы десерт. – Валя всунула ей контейнер с тортом. – Помянешь его.

Мила взяла. Она быстро оделась и без долгих прощаний покинула дом. Кира сидела на лестнице и смотрела ей вслед.

М – значит Мила? Как такое возможно?

Глава 3 Новые обстоятельства

1

– Не знала, что Людмила Ренольдовна ваша подруга. Как вы называли её? Мила? – невзначай спросила у Валентины Кира. Когда гости разошлись, она вызвалась помочь свекрови с уборкой.

– Да, Мила. В молодости её так называл один человек. Вспомнилось.

– Часто общаетесь? – продолжала дознаваться Кира.

– Не сказать. Дружили с детства. Жили напротив. Потом разошлись. Тридцать лет не виделись, и вот, она пришла на похороны сына. Надо же, как порой интересно складывается судьба.

– Не то слово... – задумчиво ответила Кира.

Кира села в такси и первым делом скачала приложение для проверки контактов. Трясущимися руками вбила номер *М* в специальное поле и дождалась результата. Контакт был записан у разных людей как Людмила, Людмила Ренольдовна, Люда. Кира больше не сомневалась – Артём записал на бумажке с подписью *М* номер их преподавательницы и сохранил его в потайном кармане. Но зачем?

Кира вернулась домой в ночи и следующие сутки не сомкнула глаз. Она поставила амбициозную цель – найти другие улики, доказывающие связь Артёма и Милы и отвечающие на вопрос, что же между ними было и в какой момент. Как так вышло, что Мила стала последним человеком, с кем он виделся?

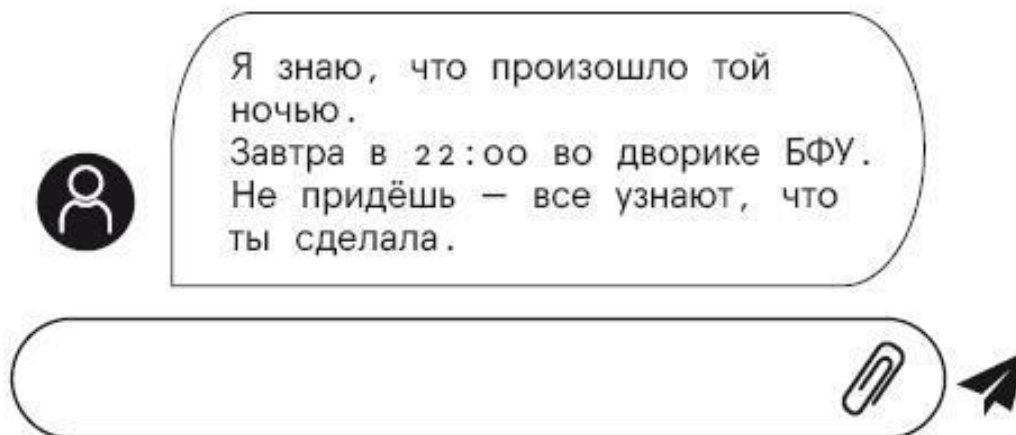
В первую очередь Кира пролистала галерею телефона покойного мужа, три тысячи фотографий и видео. Местами ей становилось плохо, фотографии живого Артёма вызывали боль. Но Кира держала в голове свою цель и хладнокровно продолжала. Покончив с телефоном, она перешла на ноутбук и жёсткие диски, но кроме скачанных фильмов и юридических бумаг ничего не нашла, даже перепробовав все горячие клавиши, открывающие скрытые папки. Тогда она распахнула шкафы и выбросила оттуда все вещи Артёма на кровать, шаря в каждом кармане. На очереди были документы и книги. Стоя перед внушительным стеллажом макулатуры, Кира раздумывала, куда бы она спрятала личное, если бы хотела скрыть. Наверное, в какую-нибудь самую ненужную книгу, в которую другой человек никогда бы не заглянул. Кира просмотрела корешки книг и увидела старое пособие по плаванию в ластах. Эта книга шла явно мимо интересов Киры. Пособие раскрылось на странице, где лежало одно распечатанное фото. На нём – двое счастливых людей, по всей видимости, хорошо отдыхающих на пляже. Мила с улыбкой смотрит на закат, а Артём обнимает её и целует в плечо. У Киры сжалось сердце. Таких фотографий с Артёмом за семь лет брака у неё нет. Захотелось смять эту мерзость и выбросить, но нельзя – теперь это доказательство неверности, в которой Артёма больше невозможно обвинить. Как же он хорошо всегда умел уходить от ответственности!

Кира выключила свет и легла на кровать, не раздеваясь. Она сжалась комочком и смотрела на сияющую полную луну. Та с сочувствием глядела на Киру. Тело гудело, словно усердно работающий холодильник. Мысли никак не останавливались. Пришла идея вызвать Милу на разговор. Кира открыла ноутбук, нашла в поиске адрес почты Милы, на который писала ещё в университете, и отправила с вновь созданного почтового ящика письмо.

2

Мила в ту ночь тоже не спала. Ворочалась. Закрывала глаза и старалась размеренно дышать, но перед глазами снова и снова появлялся звонок от Артёма. Кто-то знал о них. Мила перестала игнорировать отсутствие сна, отбросила одеяло и села на кровати. Телефон завиб-

рировал, экран загорелся – на почту пришло письмо. Мила открыла без задней мысли, думая, что это очередной спам, но письмо содержало следующее:

По телу пробежали мурашки, Мила чуть не закричала. Посмотрела на Диму – тот крепко спал. Мила сжала покрепче телефон, надела халат и выбежала из комнаты.

Дойдя на полусогнутых до кухни, она перечитала письмо. Затем снова. И снова. Сердце застучало на весь притихший коттеджный район. Мила в панике расхаживала по комнате и старалась не забывать дышать. Сначала звонок, теперь это. Кто-то явно вышел на охоту и хотел уличить её. Только в чём? В чём её подозревали? И кто? Выбор не велик. Телефоны отдавали родственникам. Либо Кира, либо Валя. И ни один из этих вариантов не утешал. Мила достала из шкафа успокоительное и накапала себе двойную дозу. Не реагировать на послания и звонки – лучшее, что она могла сделать. Она ни в чём не виновата. Хотя в последнем Мила уже не была так уверена.

С утра Милу еле-еле растолкал Дима. Он удивился, что даже после пятого будильника Мила не поднялась. Мила и так чувствовала себя разбитой и потерянной, а вспомнив, что произошло с ней за последнюю неделю, захотела пропасть во снах навечно. Дима сел на край кровати и с беспокойством заговорил:

– Как ты себя чувствуешь?

Только этого не хватало, подумала Мила. Разбираться сейчас в её самочувствии – не лучшее решение.

– Устала немного.

– Да, я заметил. Осталось три дня, когда мы можем приехать к Кристине. Ты передумала?

Кристина – девочка из детдома, которую они выбрали для удочерения. После успешного прохождения школы приёмных родителей и оформления всех документов им выписали направление, по которому они должны были познакомиться с девочкой и решить, станут ли они её родителями.

– Нет. Конечно, я не передумала. Просто сложные дни. Но теперь всё нормально.

Мила опять со стыдом поймала себя на вранье Диме.

– Хорошо. Может быть, съездим сегодня? У меня отменилась встреча.

– Отличная идея, – немного подумав, сказала Мила. Убегать от одних проблем к другим она умела лучше всего.

После завтрака они тщательно выбрали красивую одежду. Мила привела в порядок лицо, отметив про себя, что макияж – это спасательный круг для поживших и уставших женщин. И они вышли из дома в новых ролях, пытаясь впервые почувствовать себя родителями.

В последнее время Мила и Дима редко выезжали куда-то вместе. После всех потрясений Мила поняла, что ей очень комфортно и безопасно со своим мужем. И удивительно, но именно с Димой она готова воспитывать ребёнка. Почему для того, чтобы это понять, нужно было сто раз ошибиться и двести раз пройти по самому краю? Мила смотрела на сосредоточенное лицо мужа, когда он вёл машину, и хотела только одного – чтобы все вспыхнувшие в прошлые недели проблемы перестали существовать волшебным образом. Дима поймал взгляд жены.

– О чём думаешь? – спросил он.

Мила опустила глаза.

– Хочу, чтобы мы ей понравились.

Дима кивнул в ответ. Ему хотелось того же.

Они остановились у дома ребёнка и пошли на знакомство. В здании слышалось сразу тридцать детских голосов.

– Кристина, Кристина, к тебе приехали! – сказала воспитательница Ольга Акимовна.

К Миле и Диме навстречу вышла хорошенькая десятилетняя девочка с ровными толстыми косами. Кристина внимательно посмотрела сначала на Милу, а затем на Диму. Им стало некомфортно от этого взгляда. Показалось, что девочка всё про них поняла.

– Здравствуй, Кристина, – улыбнулась Мила, она страшно волновалась.

Кристина широко улыбнулась и бросилась обнимать Милу. Та опешила и, не зная, что сказать и сделать, посмотрела на Ольгу Акимовну, которая от восторга сложила руки на груди. У Милы покатилась слеза. Она обняла девочку в ответ, пытаясь пережить возникший спектр чувств в своей душе. За пятьдесят лет она ни разу не испытывала ничего подобного. Дима погладил девочку по голове, а второй рукой приобнял Милу. Он тоже растрогался.

Вернувшись домой вечером, Мила и Дима непривычно много говорили. Появление ребёнка привнесло в их серые душные будни свежий ветер. Сев за привычный семейный вечерний чай, они единодушно решили – да, Кристина – это их ребёнок. Мила заплакала от радости. Дима взял её за руку, придвинулся ближе и неловко поцеловал в губы. Мила отпрянула.

– Ты давно меня так не касался.

Дима снял очки, протёр глаза и после робкой паузы поцеловал снова. Мила ответила. Он взял её за руку и повёл в спальню. Мила шла за ним, и внутри у неё не было ни капли сопротивления. Она так увлеклась, что прошла мимо настенных часов, показывавших 22:35.

3

Тем временем Кира ходила вокруг Балтийского университета в надежде, что Мила явится на разговор. Когда этого не произошло, злость наполнила каждую её клетку. Прождав около часа, она ушла домой ни с чем и позвонила по дороге Ване, заявив, что Тёма погиб не просто так, и попросила о встрече, потому что это не телефонный разговор. Чувствовалось, что Кира очень волновалась, поэтому через час Ваня уже стоял на пороге её дома.

– Алиса спит?

– Я пока не забрала её от родителей. Завтра.

– Что стряслось? – Ваня снял обувь и пошёл за Кирой на кухню. Она не находила себе места, выглядела потрясённой чем-то очень серьёзным. Она рассказала ему о найденных номере телефона и фотографии с Милой.

– Ты что-нибудь знал про их роман?

Ваня задумался.

– Только пожалуйста, честно, – устало умоляла Кира. – Я понимаю, он твой друг, но...

– Нет, я просто пытаюсь вспомнить. Честно говоря, у Артёма было много друзей в университете. Но о преподавателе я никогда ничего не слышал.

– А после? Когда мы уже были вместе?

– Тем более. Мы тогда уже мало общались.

Кира печально вздохнула.

– С чего ты взяла, что именно она причастна к его смерти? Как это могло произойти, по-твоему? Она погрузилась на дно и оставила его там или как? – не понимал Ваня.

– Я не знаю! – Кира раздражалась. – Я всего лишь пытаюсь выяснить. Если бы я знала, я бы не спрашивала.

– Прости. – Ваня взял её ладонь в свою руку. – Тебе надо успокоиться. Мы что-нибудь придумаем. Если и правда выяснится, что она виновата, она обязательно за это ответит.

– Да. Но надо найти доказательства. На встречу она не явилась.

– Ты говоришь, что она, возможно, виделась с ним накануне. Где это было?

– «На нашем месте», – процитировала СМС Кира. – Это может быть где угодно.

Ваня ещё раз посмотрел на фотографию Милы и Артёма и развернул её к Кире.

– Узнаёшь это место?

Кира присмотрелась.

– Какой-то пляж?

– Приглядишься вот сюда, – улыбнулся Ваня, он показывал на размытое вдалеке здание из коричневого кирпича.

– Это же... маяк.

– Да. Недалеко от нашей базы.

– Ого... – Кира задумалась, а потом ей в голову пришла идея. – Нам нужны записи с камер видеонаблюдения в ту ночь. Вдоль трассы! Если выяснится, что она туда ездила, это и будет доказательством, что они встречались.

Ваня улыбнулся:

– Я говорил, тебе надо было идти в следователи? Ты всегда была лучшей на нашем курсе.

Щёки Кире зардели. Она стеснительно опустила глаза, а подняла уже опечаленные:

– Жаль, что приходится проявлять свои таланты в таких обстоятельствах.

Ваня печально вздохнул.

– Завтра проедушь вдоль Калининградского шоссе и узнаю, где есть камеры наблюдения. Городские вряд ли удастся получить на руки, а вот с частниками попробую договориться.

– Спасибо тебе! – сказала Кира. Впервые за долгое время она почувствовала, что не одна.

4

Сколько бы Валя ни держала лицо на людях и сколько бы ни показывала свою стойкость, наедине с собой её поглощала невыносимая тоска. Когда Лёша уходил на работу, она быстро заканчивала с домашними делами и приходила в комнату Артёма, чтобы упиваться своим горем. Протирала полочки, перекладывала вещи с места на место – делала всё, чтобы поддерживать ощущение жизни в этой части дома и в части своей души, отведённой любимому ребёнку.

Сегодня она решила разобрать шкаф и постирать вещи, чтобы они не запылились и не отсырели. Она достала всё, что, ей показалось, требовало ухода, и в опустевшем шкафу увидела большой ящик с разным хламом. Старые зарядки, открытки, тетради. Валя сунулась разбирать их и в одной из тетрадей узнала почерк Артёма. В строках явно говорилось о его личных переживаниях. Где-то стояли даты. Валя прижала тетрадь к сердцу и замерла. Стоило ли читать дневник своего ребёнка? Ответ сложный. Стоило ли читать личный дневник погибшего сына, с которым навсегда оборвался контакт? Ответ для Вали был очевиден. Она взяла тетради с блокнотами и села на кровать. Однако то, что она там прочитала, навсегда изменило её жизнь.

10 апреля 2012 года

Я больше не могу спокойно приходить в универ. Да что там, я жить спокойно уже не могу. Я не сплю. Похудел. Как только вижу её, меня начинает трясти. Я боюсь. Но что я могу? Заявить в полицию? Чтобы надо мной посмеялись? Я как мальчик на побегушках. Она использует меня, чтобы реализовывать свои тайные желания. С мужем она этого не может. С мужем она хорошая девочка. Я бы никогда не подумал, что она на такое способна. У неё такой благостный вид. Но я всё понял про неё, когда она оставила меня после пар и закрыла кабинет. Она дьявол в женском обличье. Но самое главное – я не знаю, как выпутаться из этой позорной связи. Она угрожает, что я вылету из универа прямо перед выпуском. Не сдам сессию. Она знает, как это важно для меня. Как долго я шёл к красному диплому. Но она наслаждается своей властью. И манипулирует. Как искусно она манипулирует! Сначала я думал, что у нас любовь. Теперь я знаю – это зависимость. Моя самая страшная зависимость. Мне надо в рехаб.

15 апреля 2012 года

Неделю я прожил неплохо, пока снова не встретил её. После пар она заметила меня в коридоре. Заставила пойти с ней в кабинет. Она спросила, почему я не появлялся так долго. Я сказал, что болел. Она рассмеялась и сказала, что быстро вылечит меня. Я сказал, что хочу закончить наши отношения. Но она сняла с меня одежду. Смяла её. Отошла в дальний угол кабинета. Дьявольски улыбнулась и осмотрела с ног до головы. Я весь дрожал, а она сказала – чего ты дрожишь как мальчишка? Я стоял, опустив глаза в пол, и просил прекратить издеваться. В этот момент она меня сфотографировала и сказала, что теперь я никуда не уйду. А если уйду, фотографию увидит весь универ. Она велела открыть учебник и делать перевод. Потом вышла и закрыла кабинет на ключ. И я просидел там три часа. Я хотел умереть. Но проблема в том, что я знаю – это не поможет. Тогда я сел и перевёл стихотворение, которое знал с детства.

A Buddhist sage once told to me
That death is just a fallacy.
That in his mind, it has no place,
This concept of the void's embrace.

That when we close our eyes for good,
We'll go to heavens, as we should.
We'll awkwardly walk through the gate,
And, finding peace, we'll meet our mates,
And we will feel a deep delight
That death has come to end our night ⁴.

10 мая 2012 года

Я продал машину, потому что она захотела в Париж. Она сказала, что хочет съездить со мной в прощальное путешествие. Но так как я мужчина, это я должен всё оплатить. А если нет, то я прекрасно знаю, что меня ждёт. Поэтому я продал машину. Я всё сделал, как она просила. Посреди прогулки она ни с того ни с сего устроила скандал и ушла. Она чудовище. Я её ненавижу. Я не знаю, что меня теперь ждёт. Я уже ничего не знаю. Если она кому-нибудь расскажет о том, что между нами было, я повешусь или утоплюсь.

⁴ Один буддийский мудрец сказал мне, что смерти нет. Что смерти как таковой в его понимании нет. Что все мы, закрыв глаза, отправимся в небеса, неловко войдём во вратаи, встретив своих и покой обретя, возрадуемся, что смерть нас забрала (англ.).

18 мая 2012 года

Я встретил её в универе. Она сделала вид, что не знает меня. Прощай, Мила. Прощайте, Людмила Ренольдовна. Я надеюсь, что больше никогда вас не увижу. Это были худшие два года моей жизни.

Валя ещё раз перечитала последнюю заметку, чтобы убедиться, что ей не показалось. Мила. Людмила. Сознание Вали помутилось. Неужели её сын подвергся насилию со стороны её подруги? У Вали защемило сердце, и она спустилась на кухню за лекарством.

5

Мила, вдохновлённая совместным решением с Димой насчёт их дочки, готовила ужин, нарезаая ингредиенты для салата. С трепетом ожидала его дома. В дверь позвонили. Раньше, чем нужно. Вместо Димы за дверями стояла Валя. И Миле тут же захотелось закрыть эту дверь, но она заставила себя улыбнуться:

– Привет, проходи!

Ничего хорошего от вечера Мила больше не ждала. Валя вошла в дом вальяжно, будто имела на это полное право.

– Я не вовремя? – в привычной угодливой манере спросила она.

– Я готовила.

– Продолжай. Я не помешаю.

Валя уселась за стол и уставилась на Милу. Мила взяла в руки нож и неловко продолжила. Тон и поведение Вали ей не понравились.

– Что у тебя было с моим сыном? – начала она с козырей.

Мила резанула ножом по пальцу. Кровь незамедлительно полилась. Мила подставила палец под воду, затем достала из шкафчика перекисы и пластырь, стала останавливать кровь. Когда закончила, то уверенно посмотрела на Валу:

– Роман.

Мила вернулась к салату. Валя не ожидала услышать правду.

– И ты так спокойно говоришь мне об этом?

– Мне нечего скрывать. Это было давно. И это было ошибкой.

– Ошибкой? Ты издевалась над ним!

Мила прыснула.

– Я?!

Валя достала из сумки блокноты Артёма и бросила их на стол.

– Я читала его дневники.

– И что же в них написано?

Валя развернула страницу с заметками весны 2012 года. Мила пробежалась по ним глазами. Из кастрюли выбежала кипящая вода, но она не обратила на неё ни малейшего внимания. Мила пилила взглядом страницы, а затем переключилась на Валу:

– Это враньё.

Она сняла наконец изнывающую кастрюлю с плиты.

– Ничего из этого не было, – строго сказала Мила. Валя смотрела на подругу с недоверием.

– Я тебе доверяла, – прошептала она. – Пригласила в гости.

– Валя, ты слышишь, этого не было!

– У него мы теперь не спросим. Но вот что мне точно известно – ты с ним встречалась накануне его гибели.

Мила заволновалась, Валя поняла.

– Это ты его погубила!

– Нет!

– Если не признаешься, я отнесу дневники в полицию. Они разберутся.

– Я ни в чём не виновата.

Валя пошла к двери. На пороге она обернулась и злобно сказала:

– Ты всегда была такой... – Она подбирала слова и наконец-то нашла подходящее: – Гнилой! Что в молодости, что сейчас, – с неприязнью бросила она и хлопнула за собой дверь.

Мила, будто на неё вылили ушат дерьма, осталась стоять на своей кухне в совершенно испорченном настроении.

Стемнело, шёл дождь. Валя, излившая весь накопленный гнев, бодро переставляла суховатые ноги и, несмотря на лужи, уверенно хлопала к месту назначения – к дому Киры.

– Валентина Васильевна? Что-то случилось? – спросила Кира, увидев свекровь на пороге.

– Прости. Я была не права.

Кира вздёрнула брови. Удивлению её не было предела. Никогда раньше Валя не признавала своих ошибок, но этот вечер стал исключением, ведь каждая из женщин узнала новые обстоятельства. Кира внимательно изучила дневники.

– Это случилось перед тем, как мы познакомились, – вспомнила Кира. – Если это правда, то это ужасно.

– Ещё бы! Это аморально! – У Вали горели глаза.

Кира рассказала ей обо всём, что знала на сегодняшний день. Валя воскликнула:

– Это точно она!

В дверь позвонили. Пришёл Ваня.

– Я не вовремя? – спросил он, увидев Валу.

– Нет, всё в порядке. Валентина Васильевна всё знает.

– Здравствуй, Ваня.

Ваня кивнул:

– Здравствуйте. Есть кое-какие новости. Неси ноутбук. – Ваня достал из кармана флешку.

Кира сходила за ноутбуком, и все трое замерли в ожидании записей с камер видеонаблюдения. Ваня отмотал на 23 часа.

– Смотри.

На видео ехала машина Милы. Ваня остановил запись и сделал скрин экрана, чтобы сохранить номер автомобиля. Видео продолжилось.

– Это последняя камера на пути?

– Да. Дальше самое интересное. В 23:00 она проехала в сторону маяка, но обратно вернулась только утром.

Ваня отмотал на утро, на 6:13.

– Вот её машина. Та же самая, видишь?

– То есть она пробыла там всю ночь?

– Похоже на то.

– Во сколько ты приехал на базу?

– В девять с чем-то...

– Я думаю, надо идти в полицию, – сказала Валя.

Кира впервые согласилась со свекровью.

6

Утром Мила попрощалась с Димой и, как всегда, отправилась в университет. День стоял хмурый, ветер завывал за окнами её машины, моросил дождь. Мила чувствовала себя скверно.

Чтобы заглушить тревогу, она включила радио, по которому наиграно позитивные голоса ведущих вбивали людям в головы, что всё будет хорошо.

Она отвела три пары, ушла с головой в работу. В аудиторию даже заглянуло несколько солнечных лучей. Оставалось отработать ещё полтора часа, и домой. Но в разгар занятия в кабинет заглянула встревоженная Галина Эдуардовна.

– Людмила Ренольдовна, – шёпотом позвала она. – Можно вас?

Мила встала из-за стола и в полной тишине настороженно вышла в коридор. За Галиной Эдуардовной стоял серьёзный мужчина с папкой документов.

– Что-то случилось? – спросила Мила.

– Пришли к тебе. – Заведующая покосилась на мужчину.

– Людмила Славина? – начал он.

– Да.

– Моё имя Виктор Шубин. Я следователь.

Он показал Миле красную корочку. Мила напряглась.

– Вы вызываетесь на допрос в качестве подозреваемой. Прошу проехать со мной для участия в следственном действии.

Галина Эдуардовна ахнула.

– Сейчас? – спросила Мила.

– Сейчас, – ответил Шубин.

Мила остолбенела и не знала, что делать.

– Я вещи возьму? – спросила она.

– Да, пожалуйста.

Она скрылась в кабинете, задала студентам домашнее задание и сказала, что через пятнадцать минут они могут уходить.

Мила проехала с Шубиным в полицейский участок и зашла в серое здание с холодными стенами. Пока она продвигалась по коридорам, на неё накатывали тоска и тревога одновременно. Возникло ощущение, будто любой невиновный здесь чувствовал себя преступником. Но в кабинете Шубина было достаточно уютно. Помещение напоминало их преподавательскую. Деревянная мебель, перетянутые зелёной кожей кресла, настольная лампа и многочисленные комнатные растения, которые явно принесли сюда из домов сотрудников на время ремонта, а позже решили не забирать. Мила скромно села перед столом Виктора. Он включил компьютер и посмотрел на какие-то бумаги. Вздохнув, он сказал выученную фразу:

– Вы подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации – убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку.

Мила проглотила слюну. Она молчала. Виктор разъяснил ей её права. Воспользоваться услугами адвоката, не свидетельствовать против себя и близких и далее по списку.

– Вы согласны давать показания?

– Да.

– Вы хотите нанять адвоката?

– Нет.

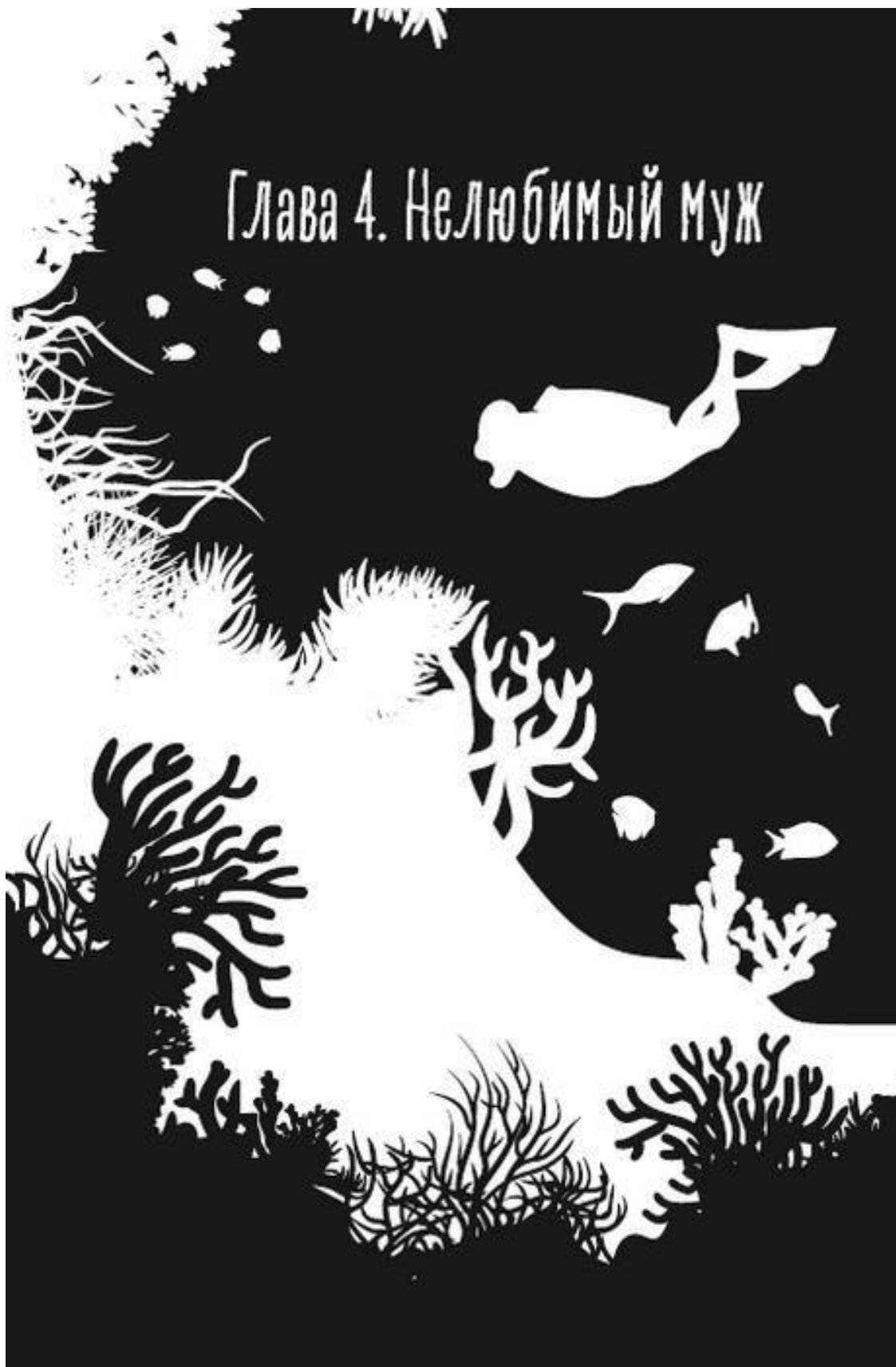
– Прекрасно, – впервые за всё время улыбнулся Виктор. – Тогда начнём. Что вам известно по делу о смерти Субботина Артёма Алексеевича?

– Мне известно, что он умер.

– Оригинально, – оценил её ответ Виктор. – В каких отношениях вы состояли с погибшим?

Мила тяжело вздохнула. Её заставили отмотать свою память на девять лет назад и вспомнить, с чего всё началось, чтобы как можно точнее сформулировать ответ на этот банальный вопрос.

Глава 4 Нелюбимый муж

2010 год

Тостер отщёлкнул два поджаристых куска хлеба, и Мила выложила их на красивый деревянный поднос к нарезанному сыру, маслу и джемам на самый разный вкус. На столе уже стояли отварные яйца на изысканной ножке-подставке, апельсиновый сок разлит по стаканам. Завтрак выглядел в лучших традициях австрийских кафе, где одетый как истинный джентльмен официант, улыбчивый пожилой мужчина, приносил торт «Захер» и желал приятного дня не по форме, а от чистого сердца, потому что любил свою работу и жизнь. В то утро Мила тоже испытывала благодарность к своей жизни и потому трепетала на кухне, пытаясь достичь идеала в сервировке. Дима сел за стол по привычке задумчивым и тут же принялся изучать ежедневник. Вдохновлённый дух Милы немного погас, ударившись о хмурые брови мужа, и всё же она решила радоваться дню, несмотря ни на что.

– Ты хоть на стол посмотри, – в шутку пристыдила его Мила. Дима оторвал взгляд от ежедневника и перевёл его на стол.

– А что не так?

– Что не так? У нас каждый день такой завтрак, да?

Мила улыбалась так обаятельно, что заставила слегка улыбнуться и Диму.

– Красиво, – сказал он и тут же вернулся к ежедневнику, снова нахмутив брови. Мила вздохнула и продолжила выставлять на стол вкусы.

– Во сколько сегодня вернёшься? – поинтересовалась она, намазывая масло на хлеб.

– Трудно сказать. Сегодня очень важная встреча. А что?

– Думаю, как провести вечер. С тобой или снова одна.

Дима не отреагировал. На том их утренний разговор закончился, и Милу это немного расстроило. В суете будних дней обычно не хватало времени заметить, во что превратилась супружеская жизнь, но иногда выдавалось такое свободное от мыслей утро и подсвечивало всё нежелательное для глаз, ушей и сердца. В состоянии тоски приводило и то, что жаловаться Миле было особо не на что. Её стабильная размеренная жизнь для некоторых – недостижимый идеал. Дима замечательный муж. Замечательный, но нелюбимый. На этом моменте её молчаливых размышлений Дима посмотрел жене прямо в глаза, как почувствовал, и улыбнулся:

– Люд?

– Да? – растерянно отозвалась она, будто не была уверена, к ней ли он обращается.

– А сделай ещё кофе? Хороший получился.

Мила улыбнулась, осознав, что внутри расцвела от этой нелепой просьбы, будто ей самой оказали большую услугу.

– Да, конечно.

Кофемашина забурлила и перебила глупые женские мысли. Наверное, во всём виноваты гормоны и отсутствие детей в сорок лет, решила она и перестала думать о ерунде.

Не самое счастливое семейное утро не сбило позитивный настрой на день. Надев свои самые стильные вещи из гардероба и ярко накрасив губы, Мила гордо шла по дороге к университету и искренне улыбалась солнцу. На крутом повороте финальной стометровки перед вузом её обогнал высокий симпатичный третьекурсник Артём Субботин, одетый по-молодёжному модно, чей оверсайз, впрочем, был не в силах скрыть драйв решительного, инициативного и оттого очень притягательного мужчины, внешне более взрослого, чем по паспорту.

– Классно выглядите, Людмила Ренольдовна! – обаятельно прищурившись на солнце, улыбнулся Артём.

Мила смутилась от такого внезапного интереса. Сначала, как всегда, захотелось исчезнуть, чтобы не оказываться в центре внимания, но всё же ей было очень приятно получить такой комплимент. Решила уйти в защиту и пошутить:

– Ты тоже ничего, Артём, светишься.

– Вас увидел, – сказал он, всё ещё улыбаясь, но немного смутившись, отвернулся и быстро ушёл.

Последняя фраза была лишняя. Неужели переборщила с внешним видом? Стало понятно, почему преподаватели одевались, как правило, серо и непривлекательно – чтобы у двадцатилетних, пышущих здоровьем и не загруженных бытовыми проблемами парней было больше возможностей обращать внимание на сверстниц, а не на пожилых и несчастных учительниц. Хотя последние, очевидно, вызывали бóльший интерес благодаря своему трудному жизненному опыту, от которого в глазах появлялся загадочный оттенок грусти и который непременно хотелось перекрасить в более радостный.

Мила была из тех остроумных преподавателей, которые с учениками на одной волне, из-за чего коллеги завидовали, а студенты *кидали респекты*. Когда Артём вышел к доске рассказывать свой топик, Мила над ним от души посмеялась.

– I like to swim in the depths of the sea. With my favorite friends fish and...⁵ – Артём прервался, вспоминая нужное слово.

– Энд чипс, – сказал Ваня.

– Энд бир. Вот кто его лучшие друзья, Людмила Ренольдовна! – выкрикнул друг Артёма, Саша, веселившийся вместе с Ваней на задней парте. Вместе они по-ребячески засмеялись.

– Братан, успокойся. Как будет акула? – Артём обратился к Миле с вопросом.

– Акула? Ты плаваешь в море с акулами?

– Да. С рыбами и акулами. Вы не верите?

– Верю, конечно. Верю, что ты плаваешь. Но пока в английском, Артём. Словарь для чего? Акула будет a shark, но ты с такими знаниями далеко не уплывёшь. Иди, на следующей паре первым пойдёшь.

– Да я честно учил.

– I'm an old shark. I can smell a lie from a mile away⁶, – таинственно проговорила Мила. Артём скорчил лицо – он явно не понял смысла сказанного.

– Ой, Субботин, садись давай.

Студенты дружно засмеялись.

На перерыве Тёма догнал Милу в коридоре и первым делом сказал:

– Да не старая вы!

Она посмотрела на него исподлобья.

– Ну вы там сказали – я старая акула, все дела.

– Всё-таки купил словарь?

– Да не, Саня перевёл. – Они оба смущённо усмехнулись. – Я что хотел спросить. Вы не занимаетесь репетиторством?

– Тебе-то зачем?

– Хочу сдать экзамен. Построить международную карьеру.

– Серьёзно?

– Ну да. Думаете, я какой-то балбес?

– Да нет, что ты. Просто не думала, что тебе это может быть интересно.

– Плохо меня знаете!

– Я вообще тебя не знаю, – осекла Артёма Мила.

– Ну вот, будет отличный шанс узнать меня лучше.

Милу застал врасплох такой удивительно наглый напор со стороны Артёма.

– Я не занимаюсь репетиторством со своими учениками, – твёрдо отрезала Мила.

⁵ Я обожаю плавать в морских глубинах. В компании моих любимых друзей – рыб и... (англ.)

⁶ Я старая акула. Я чувствую ложь за милю (англ.).

– Понял, – немного обиженно, но с достоинством ответил Артём, – до свидания, Людмила Ренольдовна.

Артём развернулся и спокойно ушёл, оставив Милу с чувством вины за то, что не дала ему шанса.

На следующую пару Артём не пришёл, а позже она узнала, что он перевёлся в другую группу. Мила решила не обращать внимания на обидчивых мальчиков в состоянии запоздалого переходного возраста и постаралась забыть об инциденте, но через несколько дней Артём снова напомнил о себе.

– Как ваши дела, Людмила Ренольдовна? Не скучаете по мне?

Он неожиданно оказался позади Милы в очереди в столовой в момент, когда она делала сложный выбор между «Греческим» и «Цезарем».

– О, Артём, ты знаешь, нет. Столько дел, некогда вспоминать твою большую любовь к английскому. Как дела?

– Да нормально. Вот только репетитора никак не найду. О, кстати, а я ведь теперь не ваш ученик. Получается, вам ничего не мешает заниматься со мной?

Она посмотрела Артёму в прозрачно-голубые глаза, осознав сейчас мысль, которая почему-то не приходила в голову раньше. Он перевёлся в другую группу, чтобы напроситься на репетиторство. Смелый и очень странный поступок.

– Триста двадцать рублей, – сказала кассирша, и Мила отвлеклась на пересчёт купюр в кошельке. Избегая ответа, она молча ушла с подносом за преподавательский стол, но во время еды периодически поглядывала на спину Артёма, который как будто специально сел так, чтобы её взгляд о него спотыкался. Закончив с обедом, Мила отнесла свой поднос и, проходя мимо Артёма, решила не останавливаться.

– До свидания, Людмила Ренольдовна!

Мила застыла, решительно обернулась и неожиданно для самой себя произнесла:

– Подойди ко мне в двести третий после четвертой пары. Поговорим.

Артём прикрыл голову одной ладонью, а вторую приставил к виску и шутливо отдал честь Миле:

– Так точно!

Что за дурак, подумала она, уходя, но с изумлением отметила, что всё это ей очень нравилось и вызывало искреннее оживление.

Мила и Артём договорились заниматься по четвергам в шесть вечера у неё дома. Перед первой встречей Мила отметила, что волновалась, как перед свиданием. Хотя свиданий в её жизни не было уже лет тридцать, с тех пор как она вышла замуж. Мила услышала, как припарковалась машина у дома, и подошла к окну подсмотреть за тем, как Артём появится у дверей. Походка его была ровной, уверенной. Тело на этот раз обтягивала футболка, позволяющая рассмотреть спортивную фигуру. Наверное, и правда плавает с рыбами и акулами, или просто хорошая генетика. Мила подошла к двери и широко её распахнула.

– Hello.

– Вот так сразу с порога? Даже чаю не предложите?

– Чай закончился, осталось только пиво. Но пиво я с учениками не пью. Придётся заниматься предметом.

– Эх.

Артём по-хозяйски вошёл внутрь и теперь с любопытством рассматривал интерьер.

– Красивый у вас дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.